

М.Ю. Никитин, И.С. Карабулатова, О.М. Пахоменкова

МАРКЕРЫ ЛИНГВОКОНФЛИКТОГЕННОСТИ СОВРЕМЕННОГО МАССМЕДИЙНОГО ДИСКУРСА РОССИИ В ЭПОХУ ПОСТПРАВДЫ

Аннотация. Представлен анализ репертуара конфликтогем, циркулирующих в современном массмедийном дискурсе России. Сложность изучения маркеров лингвоконфликтности predetermined социальной «аурой» стигмы самого феномена конфликта, что повлияло на лакуарность лингвистических исследований. Понимание приемов манипулирования, используемых в разжигании конфликтов, необходимо не только для осуществления запретительных мер, но прежде всего для определения фронта превентивных работ по стабилизации социальных настроений в обществе. Рассматривается «пусковой механизм» конфликта в социуме в связи с использованием вербально-невербальных компонентов массмедийного дискурса, нацеленных на психоэмоциональную сферу реципиентов.

Ключевые слова: конфликт, конфликтогенность, провокативы, конфликтогема, вербально-невербальные маркеры.

M.Yu. Nikitin, I.S. Karabulatova, O.M. Pakhomenkova

MARKERS OF LINGUO-CONFLICTOGENICITY OF MODERN MASS MEDIA DISCOURSE IN RUSSIA IN THE POST-TRUTH ERA

Abstract. The article is devoted to the analysis of the repertoire of conflictgemes circulating in the modern mass media discourse of Russia. The complexity of studying the markers of linguo-conflicogenicity is predetermined by the social “aura” of the stigma of the conflict phenomenon itself, which affected the lacunarity of linguistic research. Understanding the manipulation techniques used in inciting conflicts is necessary not only for the implementation of prohibitive measures, but, above all, for determining the front of preventive work to stabilize social attitudes in society. The authors analyze the “trigger mechanism” of conflict in society in connection with the use of verbal-nonverbal components of mass media discourse aimed at the psycho-emotional sphere of recipients.

Keywords: conflict, linguo-conflicogenicity, provocative, conflictogeme, verbal-nonverbal markers.

Когда мы говорим о конфликте, то, как правило, анализируем его в самой активной фазе расцвета, при которой ярко проявляются все стороны негативного воздействия, зачастую игнорируя предпосылки, провоцирующие конфликт как таковой. Вместе с тем современные информационно-психологические войны [8] интенсивно используют провоцирующие конфликтогемы для разжигания и поддержания конфликта, поскольку это создает

благоприятные возможности для управления массовым сознанием [3; 4].

Сама по себе конфликтогема обнаруживает черты отрицательно заряженной манипулемы [15], поскольку нацелена на управление человеческим поведением, однако конфликтогема лишь усиливает деструктивное восприятие с активным использованием дихотомии «свой – чужой» на разных уровнях фоновых знаний в мировоззренческой парадигме целевой

Никитин Максим Юрьевич

аспирант кафедры русского языка, Воронежский государственный педагогический университет, город Воронеж. Сфера научных интересов: русский язык, конфликтология, языкознание. Автор 4 опубликованных научных работ.

Электронный адрес: 5183836@gmail.com

Карабулатова Ирина Советовна

доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник лаборатории машинного обучения и семантического анализа Института искусственного интеллекта МГУ им. М. В. Ломоносова, Москва; эксперт кафедры машинного обучения и цифровой гуманитаристики. Московский физико-технический институт (Национальный исследовательский университет), город Долгопрудный. Сфера научных интересов: психолингвистика, цифровая гуманитаристика. Автор более 290 опубликованных научных работ.

Пахоменкова Олеся Михайловна

аспирант кафедры теории английского языка и переводоведения факультета иностранных языков, Институт русской и романо-германской филологии, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского, город Брянск; преподаватель кафедры иностранных языков, Московское высшее общевойсковое командное орденов Жукова, Ленина и Октябрьской Революции Краснознамённое училище Министерства обороны Российской Федерации. Сфера научных интересов: фразеология, теория языка, семантика. Автор 6 опубликованных научных работ.

Электронный адрес: raхomenkowa@yandex.ru

аудитории [11]. В связи с этим исследователи стали говорить об усилении лингвотоксичных явлений в языке и речи [12].

Мы разделяем понятия «конфликтотема» и «конфликтоген». В современной литературе под конфликтогеном понимаются как слова, использующиеся в конфликтной ситуации, так и невербальные средства языка, которые нацелены на провокацию конфликта, психологические состояния и настроения, предшествующие конфликту и реализующиеся в нем, экономические явления, способствующие социально-экономическим взрывам, и так

далее. Следует отметить, что креолизация текстов с конфликтотенной составляющей преобладает в современной психолого-информационной войне в силу своего быстрого и эффективного воздействия на психоэмоциональную сферу человека [1; 10], при этом требуется тщательная работа по выявлению и обезвреживанию дезинформационного фейк-контента. Однако даже в этом случае полностью нивелировать негативное воздействие не удастся вследствие фрустрации человеческой психики, заикленности на восприятии негативного шок-контента. Иными словами,

в игру включаются как индивидуальные особенности психоэмоционального реагирования личности, так и социальные закономерности (например, закон циркулирования слухов), подтверждая известный пропагандистский постулат «Чем чудовищнее ложь, тем охотнее в нее верят». На Рисунке приведен пример разоблачения фейка китайскими специалистами.

Такое мощное агрессивное воздействие предопределяется, на наш взгляд, отсутствием четких канонов журналистской этики, в связи с чем ученые говорят о «речевой антикультуре СМИ» [6], а также лабильностью личностных морально-этических принципов. Любое описание реальности имеет элемент субъективности вследствие особенностей психоэмоцио-

нальной сферы человека и его эволюционно подкрепленного опыта, поэтому акцентуация на потенциальной опасности, конфликте возвращает в реципиенте агрессию, резонанс, склонность, формируя устойчивое девиантное поведение.

Провокационный характер конфликтогеми в эпоху постправды может быть скрытым или демонстративным, исходя из цели модератора конфликта как некоего мѡкьюментари, или псевдодокументалистики, задача которой – моделирование человеческих эмоций и управление ими за счет создания жизненного правдоподобия ситуаций в массмедиа [5]. Субъективная реальность конфликтогенности обусловлена двумя фундаментальными характеристиками представления конфликт-контента:

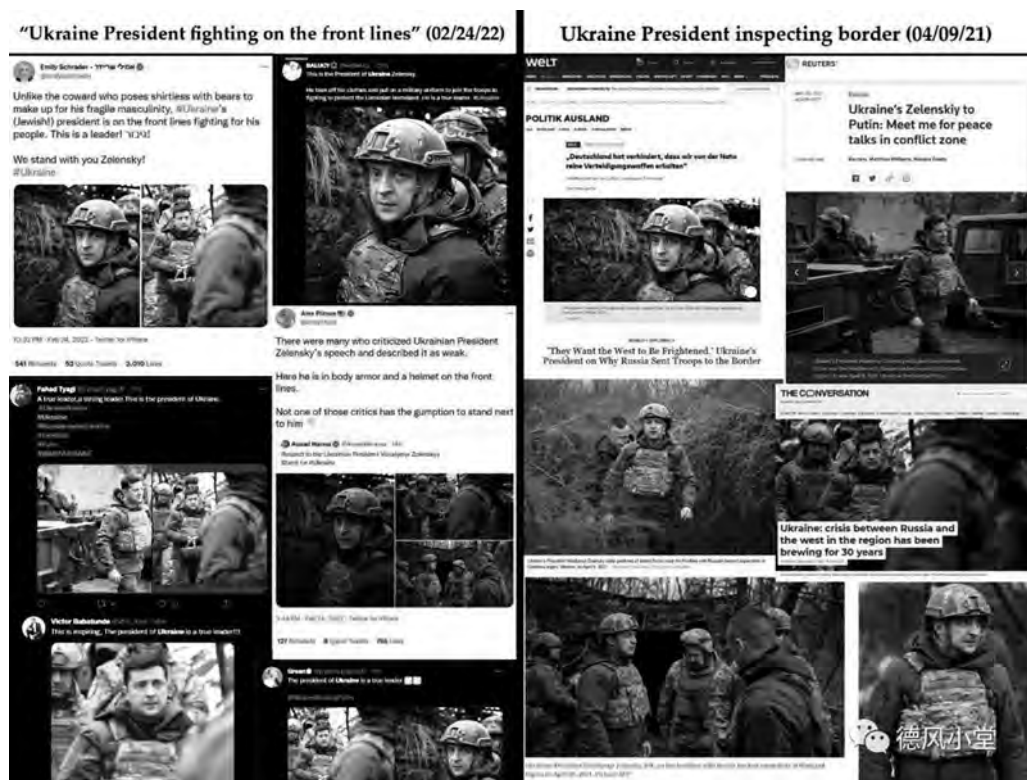

Рисунок. Пример разоблачения конфликтогенных фейков («Война между Россией и Украиной: мировые СМИ объединяют свои голоса и объединяются в глобализме. Кому промыли мозги?», из открытых источников)

Маркеры лингвоконфликтности современного массмедийного дискурса России
в эпоху постправды

1) представленность информации в «чистом» виде, что связано с отсутствием ощущения носителя информации, отсутствием понимания процессов декодирования в мозге при переживании эмоционально заряженного образа;

2) способность оперировать как информацией в целом, так и ее частями в произвольном порядке, по собственному желанию и мотивации в довольно широком диапазоне психоэмоциональных оценок.

Кроме того, психолингвистическая составляющая лингвоконфликтности апеллирует к природе психофизиологии речи. Каждая из величин волн мозга имеет свой четкий диапазон, который закреплен за форматом проявления лингвопсихофизиологического поведения. Например, α -волны сопровождают расслабленное состояние бодрствования, эти волны связаны с формами мышления и природой возникающих образов. Так, запускающая конфликтное состояние конфликтогема-инициатор вполне соотносится с α -ритмом. Она скрытно внедряется в базовую систему образов, открывая доступ к трансформационным процессам.

β -волны отвечают за высшие когнитивные процессы коры головного мозга, концентрацию внимания на внешнем раздражителе, фокусированность на поиске решения текущей проблемы в обычном состоянии бодрствования. Они реагируют на усиливающую конфликтогему, которая «накачивает» соответствующей информацией когнитивную базу реципиента.

Конфликтогема-пролонгатор и конфликтогема-усилитель активизируют δ -волны, которые возникают в состоянии обостренного внимания, в ситуации стресса, пробуждая бессознательное, выступая как некий радар, работающий на инстинктивном уровне, мгновенно вычисляющий опасность.

Конфликтогема-релаксанты (ослабляющие внимание, несколько снижающие градус опасности), конфликтогема-нейтрализаторы, конфликтогема-гармонизаторы связаны с θ -волнами мозга, ответственными за состояние активности подсознания, творческого вдохновения, инсайта, характерны для «сумеречного состояния» и разнообразных духовных медитативных практик и др.

При этом акцентуация на негативном контенте также обусловлена эволюционно как маркер физической опасности для человека. Если происходит рост β -активности, но при этом падает α -активность, это говорит об увеличении психоэмоционального напряжения, появлении тревожных состояний. Диагностическим является падение α -ритма при росте показателей θ -ритма, поскольку соответствует доказательным признакам депрессии.

Увеличение β -показателей при одновременном угнетении θ -показателей демонстрирует разлаженность нервной системы при разнообразных нейропатологических состояниях (эпилепсии и эпилептоидных состояниях, синдроме нарушения внимания и гиперактивности, постинсультных нарушениях, посттравматических синдромах). Сочетание θ -колебаний и δ -волн может быть отмечено у человека в состоянии бодрствования, в состоянии интенсивного поиска и др., они могут встречаться у бодрствующего человека в небольших количествах и при амплитуде, не превышающей амплитуду α -ритма, что соответствует активному поиску [13; 14]. Таким образом, психоэмоциональные характеристики человека не просто находятся в прямой зависимости от работы длин волн мозга, но и сопряжены со стадиями конфликтности.

Эти показатели важны для понимания использования того или иного типа кон-

фликтогем, которые сопряжены с работой длин волн мозга, «держа в узде» эмоции целевой аудитории с помощью манипулятивного вербально-паравербального инструмента хакаморы [7], быстро и четко управляющего социальными настроениями, трансформируя концептуальные установки в картине мира реципиентов массмедиа, рождая принципиально новые смыслы [2].

Мы считаем, что подобного рода воздействия опираются на конфликтогему

как базовый элемент психоэмоционального реагирования на потенциальную опасность. Конфликтогема, в отличие от конфликтогена, представляет собой минимальную функционально-прагматическую единицу дискурса, концентрирующегося на той или иной стадии конфликта. Конфликтогема сама по себе может реализовываться в таких дискурсивных образованиях, структура которых предопределена функционально-семантическим представлением конфликта как такового.

Литература

1. Трансформация социального поведения в контексте современных политических кризисов начала XXI в. как результат этнополитического дискурса «сетевых войн» / П.В. Барсуков, И.С. Карабулатова, С.В. Некрасов [и др.] // Социально-экономические и гуманитарно-философские проблемы современной науки. М.: Уфа; Р-н/Д., 2015. Т. 3. С. 60–70.
2. Василенко А.П. Процесс становления и развития смыслов в образовательной среде // Грани познания, 2012. № 6(20). С. 38–40.
3. Евсеева И.В. Коммуникативная ситуация «Обсуждение Закона о неуважении к госсимволам» в аспекте информационно-психологического противоборства // Экология языка и коммуникативная практика, 2019. № 3(18). С. 72–86.
4. Карабулатова И.С., Никитин М.Ю. Иноязычная VS национальная терминология: лингвоконфликтотогенный вызов современной геополитики // Вестник РосНОУ. Сер.: Человек в современном мире. 2021. № 4. С. 62–68.
5. Керимова Д.Ф., Абдуллаев С.А. Мокьюментари как разновидность документального фильма // МНКО. 2020. № 1(80). С. 332–334.
6. Копнина Г.А. О речевой антикультуре в СМИ // Медиалингвистика, 2013. № 2. С. 41–45.
7. Лагуткина М.Д. Языковые способы репрезентации России и Китая в российском и китайском медиадискурсах в контексте «мягкой силы»: дис. ... канд. филол. наук. М.: Российский ун-т дружбы народов, 2022. 268 с.
8. Лингвистика информационно-психологической войны / А.А. Бернацкая, Е.А. Горностаева, И.В. Евсеева [и др.]. Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2020. Т. III. С. 344.
9. Никитин М.Ю., Устьянцева А.Д., Бородин Н.В. Лингвоконфликтотогенность современного массмедийного дискурса России // Вестник РосНОУ. Сер.: Человек в современном мире. 2021, № 4. С. 81–90.
10. Пахоменкова О.М. Визуализация и когниция в методах ведения военной борьбы (на материале образных единиц военной тематики) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2020. Т. 13. № 2. С. 226–229.
11. Савчук И.П., Карабулатова И.С. Информационно-маркетинговая война в современном рекламном дискурсе: трансформация гендерных стереотипов // Научное обозрение. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2019. № 1–2. С. 51–65.

Маркеры лингвоконфликтности современного массмедийного дискурса России
в эпоху постправды

12. Сковородников А.П., Копнина Г.А. Лингвотоксичные явления в речи и языке // Мир русского слова. 2017. № 3. С. 28–32.
13. Тютюнник В.М., Биркин А.А., Гуцин Ю.Г. Основы лингвистической психофизиологии. Тамбов: Нобелистика, 2016. 191 с.
14. Albada S.J. van, Robinson P.A. Relationships between Electroencephalographic Spectral Peaks Across Frequency Bands // *Frontiers in human neuroscience*. 2013. Vol. 7. P. 56.
15. Ruan Yu., Karabulatova I.S. The Experience of the Loss of the Motherland by Representatives of Russian Emigration in the Chinese Provinces (1905–1917) // *Bylye Gody*. 2021. № 16(3). Pp. 1501–1510.

References

1. Barsukov P.V., Karabulatova I.S., Nekrasov S.V. (2015) Transformatsiya sotsial'nogo povedeniya v kontekste sovremennykh politicheskikh krizisov nachala XXI v. kak rezul'tat etnopoliticheskogo diskursa «setevykh voyn» [Transformation of social behavior in the context of modern political crises of the early XXI century as a result of the ethno-political discourse of “network wars”]. *Socio-economic and humanitarian-philosophical problems of modern science*. Moscow, Ufa, Rostov-on-Don. Vol. 3. Pp. 60–70 (In Russian).
2. Vasilenko A.P. (2012) Protsess stanovleniya i razvitiya smyslov v obrazovatel'noy srede [The process of formation and development of meanings in the educational environment]. *Facets of cognition*. No. 6 (20). Pp. 38–40. (In Russian).
3. Yevseyeva I.V. (2019) Kommunikativnaya situatsiya «Obsuzhdeniye Zakona o neuvazhenii k gossimvolam» v aspekte informatsionno-psikhologicheskogo protivoborstva [The communicative situation “Discussion of the Law on disrespect for state symbols” in the aspect of information and psychological confrontation]. *Ecology of language and communicative practice*. No. 3 (18). Pp. 72–86. (In Russian).
4. Karabulatova I.S., Nikitin M.Yu. (2021) Inoyazychnaya VS natsional'naya terminologiya: lingvokonfliktogennyy vyzov sovremennoy geopolitiki [Foreign VS national terminology: the linguistic conflict-causing challenge of modern Geopolitics]. *Bulletin of RosNOU. Human in the modern world*. Vol. 4. Pp. 62–68. (In Russian).
5. Kerimova D.F., Abdullayev S.A. (2020) Mok'yumentari kak raznovidnost' dokumental'nogo fil'ma [Mockumentary as a kind of documentary]. *The world of science, culture and education*. No. 1(80). Pp. 332–334. (In Russian).
6. Koptina G.A. (2013) O rechevoy antikul'ture v SMI [About speech culture in the media]. *Medialinguistics*. Vol. 2. Pp. 41–45 (In Russian).
7. Lagutkina M.D. (2022) Yazykovyye sposoby reprezentatsii Rossii i Kitaya v rossiyskom i kitayskom mediadiskursakh v kontekste «myagkoy sily» [Linguistic ways of representing Russia and China in Russian and Chinese media discourse in the context of “soft power”]. PhD thesis. Moscow: Russian University of Friendship of Peoples. 268 p. (In Russian).
8. Bernatskaya A.A., Gornostayeva Ye.A., Yevseyeva I.V. (2020) *Lingvistika informatsionno-psikhologicheskoy voyny* [Linguistics of information and psychological warfare of War]. Krasnoyarsk: Siberian Federal university. Vol. III. 344 p. (In Russian).
9. Nikitin, M. Yu., Ust'yantseva A.D., Borodina N.V. (2021) Lingvokonfliktogennost' sovremennoy massmediynogo diskursa Rossii [Linguo-conflictogenicity of the modern mass media discourse of Russia]. *Bulletin of RosNOU, Human in the Modern World*. Vol. 4. Pp. 81–90. (In Russian).

10. Pakhomenkova O.M. (2020) Vizualizatsiya i kognitsiya v metodakh vedeniya voyennoy bor'by (na materiale obraznykh yedinitz militarnoy tematiki) [Visualization and cognition in methods of conducting military warfare (based on the material of figurative units of military subjects)]. *Philological Sciences. Questions of theory and practice*. Vol. 13. No. 2. Pp. 226–229. (In Russian).
11. Savchu, I.P., Karabulatova I.S. (2019) Informatsionno-marketingovaya voyna v sovremen-
nom reklamnom diskurse: transformatsiya gendernykh stereotipov [Information and mar-
keting war in modern advertising discourse: transformation of gender stereotypes]. *Scientific
Review. Ser. 2: Humanities*. No. 1-2. Pp. 51–65. (In Russian).
12. Skovorodnikov A.P., Kopnina G.A. (2017) Lingvotoksichnyye yavleniya v rechi i ya-
zyke [Linguotoxic phenomena in speech and language]. *The world of the Russian word*. No. 3.
Pp. 28–32. (In Russian).
13. Tyutyunnik V.M., Birkin A.A., Gushchin Yu.G. (2016) *Osnovy lingvisticheskoy psikhofizi-
ologii* [Fundamentals of linguistic psychophysiology]. Tambov: Nobelistics. 191 p. (In Rus-
sian).
14. Albada S.J., Robinson P.A. (2013) Relationships between Electroencephalographic Spec-
tral Peaks Across Frequency Bands. *Frontiers in human neuroscience*. No. 7. 56 p.
15. Ruan Yu., Karabulatova I.S. (2021) The Experience of the Loss of the Motherland by Rep-
resentatives of Russian Emigration in the Chinese Provinces (1905–1917). *Bylye Gody*.
No. 16(3). Pp. 1501–1510.